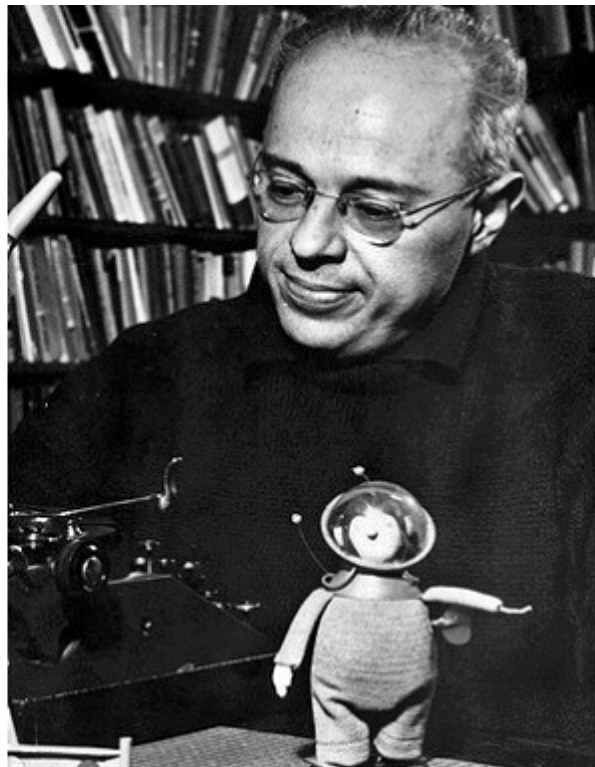

Как Станислав Лем зашифровал львовский погром

*Дом на улице Лепкого во Львове,
в котором родился писатель*

Станислав Лем в 1966 году

Уроженец Львова Станислав Лем — выдающийся писатель, эссеист и мыслитель, всемирно известный классик научной фантастики. Казалось бы, его биография не должна состоять из загадок.

Тем не менее, книга Агнешки Гаевской «Холокост и звезды. Прошлое в прозе Станислава Лема» избавила жизнеописание фантаста от многих белых пятен. Автор рассказала, как Лем зашифровывал воспоминания в своих романах, и заполнила пробел в истории евреев восточных кресов (польское название территорий нынешних [западной Украины](#), [Беларуси](#) и [Литвы](#), — прим. ред.).

Так, например, Гаевска установила точную дату репатриации Лемов из Львова в Краков — 17 июля 1945-го, и воссоздала генеалогическое древо родителей

Станислава. Теперь дяди и тети, им упоминаемые, «обрели» точные имена, даты рождения и смерти. Уход из жизни многих его родственников датируется 1941-м или 1942-м годами. Писатель очень скупой делился сведениями о своей юности, вероятно, не желая лишней раз напоминать о своем еврейском происхождении, и о мученической смерти родственников в годы Холокоста.

К сожалению, у него были для этого основания. На протяжении всей жизни фантаста (1921 — 2006 гг.) вопрос о его национальности волновал предвоенных националистов, шантажистов периода немецкой оккупации, коммунистов-мочаровцев, стоявших на позиции ортодоксального сталинизма и антисемитизма, а в нынешней Польше опять же националистов (в 2002-м Лига польских семей обрушилась на Лема с критикой за «пропаганду цивилизации смерти»).

Когда Томаш Фиалковски поднял тему оккупации в ходе цикла бесед «Мир на краю», Лем попросил больше не спрашивать об этом, мол, обсуждение этих вопросов заканчивается для него бессонными ночами. Станислав Береш вспоминает, что, работая с писателем над циклом «Так говорит Лем», наткнулся на уклончивые ответы, а когда попытался нажать на собеседника, тот демонстративно убрал слуховой аппарат (у Лема были проблемы со слухом с 1944 года, когда рядом разорвался артиллерийский снаряд).

Родители писателя — Самуил Лем и Сабина Воллер — считали себя поляками еврейского происхождения, хотя они стояли под хупой в синагоге и участвовали в жизни еврейской общины Львова.

Школьник Станислав Лем в 1934-м году

Традиционные евреи спешат на молитву, Львов, 1930-е

В польской гимназии Станислав Лем посещал уроки иудаизма. В его аттестате зрелости по этому предмету (как и по всем другим) стоит оценка «очень хорошо». Гаевска установила эти факты на основании документов, найденных в архивах Львова и Кракова (в том числе, в архивах Львовской еврейской общины).

История ассимилированных евреев восточных кресов остается мало изученной. Как отметил польский историк и дипломат, Праведник народов мира Владислав Бартошевский, если бы Лем восполнил этот пробел и рассказал историю своей семьи при помощи прозы, то гарантировал бы себе Нобелевскую премию в области литературы.

Память поляков о Львове отличается двумя крайностями. Одна из них — представление о довоенном Львове как преимущественно польском городе, где национальные меньшинства фигурируют на втором плане. Второй и столь же ложной крайностью является миф о «счастливой Австрии» — мультикультурном рае, в котором представители разных наций счастливо жили под справедливым правлением Габсбургов, а затем во Второй Речи Посполитой. Конечно, это был не тот ад, который Сталин и Гитлер устроили во Львове, но и не рай. Скорее, это было чистилище, полное постоянных конфликтов. В этих обеих ложных крайностях Лему и его родителям нет

места. Для первого мифа они не годились, не будучи этническими поляками, а для второго они не были каноническими евреями.

Агнешка Гаевска скрупулезно воссоздала историю Лема в период немецкой оккупации Львова. И обнаружила множество автобиографических тем, зашифрованных в его романах. Речь идет не только о реалистическом описании войны в «Больнице Преображения». Автобиографические темы присутствуют в, казалось бы, чисто фантастических произведениях. Например, в «Гласе Господа» есть яркие воспоминания профессора Раппопорта, который чудесным образом спасся от резни в руинах горящей тюрьмы в неназванном городе Восточной Европы. Гаевская прояснила, что речь идет о еврейском погроме во Львове 30 июня — 2 июля 1941 года. Перед отступлением Красной Армии энкавэдэшники убили политзаключенных во львовских тюрьмах, в том числе в «Бригидках» — недалеко от дома, где жили Лемы. Следом прошел еврейский «стихийный» погром, организованный местным населением. Прямо на улицах хватали львовян с еврейской внешностью. Среди них был и Станислав Лем. Молодых евреев принудили выносить трупы из тюрем.

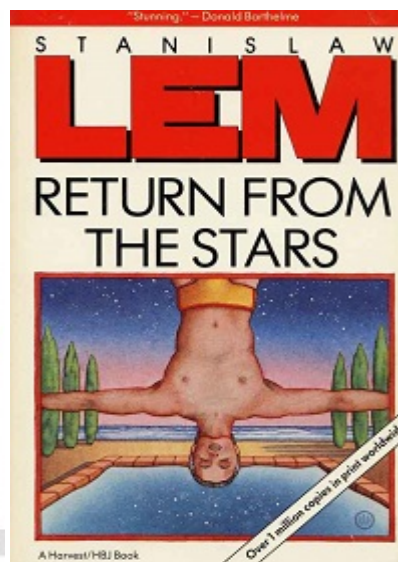
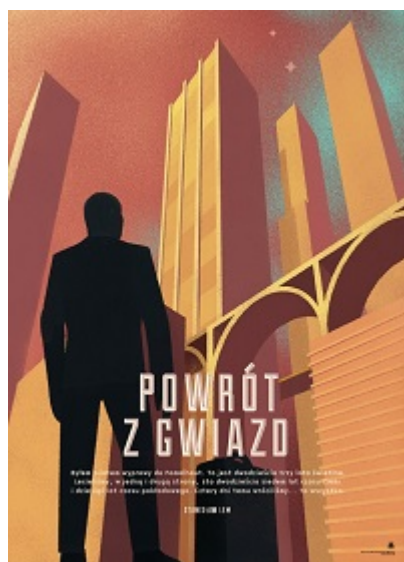
Евреи, повешенные на одном из домов гетто, сентябрь 1942

Некоторых жертв сразу забивали палками — брызги крови достигали второго

этажа. Вечером 2 июля немцы внезапно прекратили бесчинства. Немногих выживших освободили, в том числе Лема. Он никогда не писал напрямую об этом, но в «Эдеме» и «Непобедимом» есть ужасные описания, как частично разложившиеся трупы выносили с космического корабля. В «Эдеме» также встречается описание лагеря смерти на другой планете, напоминающего Яновский концлагерь во Львове. А в «Непобедимом» фигурируют жертвы нападения нанороботов, которые ведут себя как узники лагеря смерти в последние моменты своей жизни.

Главным героем «Возвращения со звезд» является Эл Брегг, астронавт, биологический возраст которого 39 лет (как и возраст Лема в момент написания романа). Брегг покинул Землю еще 18-летним — столько было Лему в год падения польского Львова. Пока Брегг изучал далекие звезды, на Земле минуло почти полтора столетия. Поэтому астронавт не вписывается в изменившееся общество, а люди не понимают его и его травматические воспоминания о космосе, которые являются аллегорией воспоминаний самого Лема о немецкой оккупации. Психолог велит Бреггу оставить эти воспоминания при себе, дескать, рассказывая о них современным людям, он только усугубит свою изоляцию.

В основном, это воспоминания о смерти других астронавтов. Трагедии делятся на три типа. Связь с одними астронавтами просто оборвалась. Другие умерли на глазах Брегга. Наиболее болезненны воспоминания о тех случаях, когда кто-то перед смертью просил Брегга о помощи, а он ничего не мог сделать.

Похожие истории происходили с родственниками и друзьями Лема. От некоторых из них просто перестали приходить письма, как от брата его матери Марка Воллера. Вероятно, он погиб в ходе другого погрома — 26 июля 1941 года, в так называемые «дни Петлюры». Мать Лема до конца жизни надеялась, что брат все же найдется. Сам Станислав ошибочно полагал, что дядя погиб 2 июля во время резни львовских профессоров, когда нацисты расстреляли несколько десятков преподавателей университета.

Одни гибли на глазах Лема. Другие просили его о помощи, но он, как и Эл Брегг, ничего не мог предпринять. Станислав не мог поставить под угрозу себя и своих родителей, для которых он был единственным шансом на спасение. Будучи блондином с «арийской» внешностью, он относительно безопасно мог ходить по улицам с поддельными документами на имя Яна Донабидовича.

И это лишь часть переживаний, выпавших на долю человека, предвидевшего нанотехнологии и генную инженерию.

Сергей Гаврилов [«Еврейская панорама»](#)